

ЮЛИЯ ЛЯПИНА

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ
ВЕДЬМА

Юлия Ляпина

Срочно требуется ведьма

«Автор»

2024

Ляпина Ю.

Срочно требуется ведьма / Ю. Ляпина — «Автор», 2024

“В деревню требуется ведьма” – обычное объявление в некоторых городках и селах. Кому-то требуется маг-погодник, кому-то ведьмак – борец с чудовищами, а кому-то вот без ведьмы житья нет. Алтея Ренни – свободная ведьма, готовая принять предложение о работе. Только вот деревенька таила в себе сюрприз, и не один. Впрочем, где ведьма не пропадала, там не всякий маг бывал!

© Ляпина Ю., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Герои	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юлия Ляпина

Срочно требуется ведьма

Герои

Гийом Дейлир – маг, первый прибыл в дом ведьмы после расконсервации. Молодой, боевой, успевший однако послужить на границе 25 лет. Блондин с зелеными глазами и длинными ресницами.

Алтея Ренни – дочь торговца полотном, окончившая магическую школу. Магия проявилась в 13 лет. Закончила королевскую магическую школу. Брюнетка с карими глазами и строгим характером. Получила дом ведьмы с аварийным порталом.

Марыська – деревенская сирота, Алтея взяла ее в помощницы по хозяйству, подозревая, что у девочки может проявиться магия.

Петр Огородников – сельский парень с виду очень простой, однако отлично работает руками, и умеет грамотно говорить. Один из тех тихих омутов, которые привлекают женщин внешней простотой.

Пролог

Листочек трепетал на ветру, и я бы прошла мимо, но схватилась за столб, скрывая слабость, и невольно уставилась на него, делая вид, что читаю. И прочитала.

“В деревню Кузякино требуется ведьма! Желательно страшная!”

Я хмыкнула. Вот и приглашение на работу. Сорвала листочек и двинулась к дому старосты. Может, я и не страшная, но точно – ведьма!

Глава 1

Пока шла, вспоминала, как я докатилась до жизни такой. Ничего ведь не предвещало! Крепкая семья торговцев полотном. Тюки льна, хлопка и конопли в кладовой. Умение отличить батист от кисеи и дерюгу от парусины, впитанное с первыми разговорами над колыбелью. Мы играли аршинами и лоскутами образцов, сидели под прилавком, когда маменька нежно улыбалась косматым и чумазым боцманам, чтобы продать дешевый холст на моряцкие робы и дорогую парусину на оснастку кораблей. Потом сами стояли за прилавком, карауля товар от ловких рыночных бродяжек – им и носовой платок стянуть была радость!

В тринадцать лет у меня пришли первые крови, а с ними магия... Мама плакала. Отец орал и утирал лысину большим клетчатым платком. Магически одаренного ребенка полагалось отдать в королевскую магическую школу. Это значило – я буду проводить там большую часть дня, а кто же будет смотреть за младшими, стоять за прилавком и обвязывать крючком недорогие скатерти и салфетки?

Однако делать было нечего. На следующий день меня приодели и повели в магистрат – регистрировать как внезапно инициированного мага. В магистрате в отделе магии сидел белобрысый юнец. Он сонно клевал носом, когда отец втащил меня в комнатушку:

– Вот! Моя дочь! Вчера перевернула все в своей комнате одним криком!

Юнец проснулся и сдернул пыльный кусок бархата с хрустального шара:

– Прошу вас, лира, представьтесь, потом положите руки на шар и вспомните, что вас так расстроило! – скороговоркой пробормотал он и уставился на меня с интересом.

Я подошла, сняла перчатки, спрятала их в карман пальто, поставила на стул сумочку и прихлопнула ладошками светляка, который бился в шаре. Мне было его жалко. Мало ли что меня вчера расстроило?

– Алтея Ренни, дочь торговца полотном...

Мне не хотелось, но пришлось вспоминать, как я лежала в постели, мучаясь болью в животе и страхом за свою жизнь. Мама постаралась мне объяснить, что это не опасно, не страшно, и что это вот будет повторяться каждый месяц до старости... Вот от этого я и впала в тоску. Лежала, смотрела в потолок, мысленно хныкая и ужасаясь перспективам, и тут Мина – младшая сестра – решила принести мне вкусного! Целую миску вишен в сиропе! И, конечно, споткнулась о мои башмаки и вылила красно-алую жижу на мою постель! А вишневый сок не отстирывается!

Свой ужас, гнев и неприятные ощущения от мокрой постели я выразила очень эмоционально... Мина взлетела к потолку и шлепнулась на свою кровать, благо она стояла напротив моей. С полок посыпались мелочи, толстые мутные стекла крохотного оконца вылетели с жалобным звоном. Когда на шум прибежали родители, мы с Миной вместе рыдали, каждая на своей кровати.

Окно в нашей спальне заколотили досками – зимой другого варианта не было, наводить порядок взбешенный отец заставил нас самих. А маменька отправила стирать и сушить постельное. В общем, мне было что припомнить, но вываливать все это на беззащитный бьющийся огонек?

Под руками закрубились, сверкнуло, дернуло, и шар окрасился густо-фиолетовым с искрами золотого цвета.

– Неплохо! – блондин белозубо улыбнулся. – Сильный природный дар. Сейчас выпишу направление в школу магии. Занятия начались всего неделю назад, вы как раз успеваете на этот учебный год.

Отец побагровел. Он искренне надеялся, что все это случайность и “бабья дурь”, но увы. Пришлось получать бумаги и топтать на другой конец площади – в школу магии. Следующие

семь лет я приходила в эту школу ежедневно, кроме храмового дня. Училась контролю, развивала дар, общалась с такими же одаренными и была вполне счастлива. Все же у магичек много преимуществ. Сестер одну за другой выдавали замуж, а меня и не пытались сговорить – среди торговцев жена-магичка считалась и доходом, и расходом. Доход – потому как могла и защиту от пожара наложить, и крыс разогнать, и насекомых, а то и товару привлекательности придать. Расход – потому как рождались у магичек маги, которых к делу не приставишь – учить надо и на службу отправлять. А даром кормить купцы даже своих детей не любили. Так что росла я вольным ветром, зная, что приданого мне не положено, и кормить себя буду сама.

В двадцать лет я магическую школу окончила – не так чтобы в числе лучших или сильнейших, но и троек в моем аттестате не было. Настал тот самый страшный день распределения.

Кое-кто был в назначении уверен – родители подсустились и заранее приготовили чаду местечко в семейном деле или оплатили учебный курс Академии. Парни готовились служить в армии – год на границе шел за три, и там можно было неплохо заработать на обучение в Академии магии. Девушки из семей победнее подыскивали себе работу помощницами аптекарей, травницами, знахарками или экономками, принося бумаги от будущих работодателей.

Я же была в растерянности – в лавке родителей магичка была не нужна, да и заправлял там уже старший брат, с которым мы были в натянутых отношениях. Так что я толком ничего не знала и была поражена в самое сердце, когда открыла свой конверт и увидела надпись “свободное распределение”.

Это значило, что меня не считают сколько-нибудь ценным специалистом и предлагают самостоятельно искать себе жилье и работу, не забывая отчислять десятину доходов Короне в течение десяти лет – за обучение.

Глава 2

Вернувшись домой, я сразу поняла, кто мне устроил такое “удовольствие”. Старший братец уже стоял у ворот, а у его ног красовался дорожный мешок и две корзинки:

– Явилась? Это твое, забирай!

Я молча подхватила вещи. Да, семья должна была кормить ведьму или мага весь период обучения, но вот так выставить меня, не дав попрощаться с матерью и младшими? Отчаянно хотелось сделать Джастину какую-нибудь гадость, но я сдержалась. В этом доме еще мама живет и младшие. Они ни в чем не виноваты! Однако под лопаткой свербило, и я остановилась, обернулась, улыбнулась и сказала громко, чтобы слышали все соседи, торчащие за заборами:

– В этом доме ведьму никогда не забудут! Кто делал добро – получит добро, кто делал плохое – получит плохое. И пока три раза на рассвете ведьму не вспомнит добрым словом, добро не вернется!

Развернулась и пошла дальше. Братец терпеть не мог ранние подъемы, да и помнил ли вообще мое имя?

Видно, угадала я своим словом в нужный час, потому как не успела дойти до площади, на которой стоял столб для объявлений, как за спиной что-то грохнуло, ухнуло, раздался крик и топот ног. Ко мне бежали младшие. Они меня любили. Я творила для них иллюзорных бабочек, подчищала помарки в тетрадях с домашним заданием, перевязывала коленки и подсыпала в тарелки ягод, пока старший смотрел в другую сторону.

Я крепко обняла каждого. Поцеловала и повесила на шеи обереги. Вообще-то, я их ко дню Солнцеворота готовила, но раз уж такое дело...

– Аль, – шепнула, крепко обнимая меня, Мина, – ты скажи, что тебе вынести, как Джастин уснет, я достану и на банное окошко положу!

Я задумалась. Конечно, кое-какие схроны у меня в доме были, и монетки там лежат, и травы ценные, только...

– Нету ничего, Мина, – равнодушно сказала я, – все, что папа давал, я потратила, а Джас... Сама знаешь!

Младшая кивнула. Джастин всем сестрам жалел даже монетку на гребешок или леденец – мол, толку от вас нет, дармоедки, все равно замуж выскочите. Может, потому все сестры так быстро замуж вышли, только Мина задержалась – самая младшая.

– Аль, ты мне обещала на жениха погадать! – шепнула тогда сестра, продолжая обниматься.

– Да гадала уже, в следующем месяце жди, – ответила я и, еще раз всех обняв, отправила мелюзгу домой. Пусть уж бегут, а то братец их нравоучениями замучает!

Вещичек моих пусть было немного, однако поклажа получилась увесистая. На площадь я выходила, уже еле передвигая ноги, а до единственной подруги идти еще столько же. Вот и прислонилась к столбу-указателю для дилижансов. А на нем объявление. Хмыкнула – щелкнула пальцами, зачаровывая поклажу, и отправилась к дому старосты. Мешок и две корзинки медленно полетели над землей вслед за мной.

Почему такой фокус возле дома не проделала? Так братец живо бы раскаялся, что меня отпустил. Дома мне колдовать запрещали, потому тюки с полотном таскали сами. А потом задумалась я о грядущей судьбе, вот и тащила с вещичками, как обычная девка. Но сейчас... мне нужно было показать старосте деревеньки, что ведьма я хорошая. Сильная. Вот – даже корзинки за мной сами летят.

Сил, конечно, не рассчитала – до Кузякино пришлось топтать изрядно, а метла моя дома осталась. Зато к тому моменту, как я добралась до дома старосты, мне уже на все было напле-

вать, кроме желания присесть где-нибудь в тенечке и выпить холодной воды, а лучше кисленького вишневого компота.

Староста, крупный, заросший бородой мужик, одетый на удивление чисто, вышел к воротам и посмотрел на меня подозрительно:

– Точно ведьма?

– Точно!

– Больно мелкая, – вздохнул он, – справишься ли?

– А что, вас нечисть одолела? – удивилась я.

Вообще, Кузякино числилось чуть не пригородом. Когда-то с этой стороны располагались молочные фермы, пока дамы не замучили градоправителя жалобами на шум и запах. Тогда особым указом фермерам выделили землю с другой стороны от города и дали денег на строительство новых коровников, маслобоен и холодных погребов. А прежние хозяйства отдали под сады и огороды. Решение оказалось верным – за десяток лет Кузякино стало цветущим садом. Тихим, красивым и очень выгодным городом. В холодных погребах яблоки и груши лежали чуть не до нового урожая. В амбарах теперь хранились овощи, а огромные сеновалы стали крытыми сушильнями для тех же яблок, груш и вишен.

Благодаря этой деревеньке наш скромный город Стародубск не испытывал нужды в зелени, овощах и фруктах.

– Да не, – мужик опять вздохнул глубоко и гулко, точно кузнечный мех, – ведьма у нас померла. Старая была. А хозяйство ее и принять некому...

Я насторожилась:

– А что, у ведьмы ученицы не было?

– Не было, – опять вздохнул староста, – нелюдима она была. Крутились какие-то девки у ее порога, да все замуж повыходили, а мужик разве жену отпустит в ведьмы?

Я покивала, но удивление никуда не девалось. Как это ведьма ушла, никого не оставив вместо себя?

– Ну идем, покажу домишко, – принял решение староста, – но смотри, на довольствие возьмем, только если сумеешь в дом старой ведьмы зайти!

Я только плечами пожала – и так понятно, что придется принимать наследство старой ведьмы. Если же не получится – попрошусь ночевать к старосте, а завтра пойду дальше. Свободное распределение – оно такое. Идешь-бредешь, пока не наткнешься на деревеньку, в которой ведьмы нет, и там уже пытаешься осесть.

Глава 3

Дом ведьмы располагался на самой окраине – за садами, за огородами, подальше от жилых домов. Я бы его и не разглядела в зарослях рябин, калины, сирени и прочих кустов, образующих вокруг избышки защитную полосу. Староста подвел меня к плетеной калитке, висящей на ременных петлях, и кивнул:

– Иди, ведьма, а я погляжу!

Багаж я оставила на траве, медленно вдохнула, выдохнула и бросила в сторону калитки “карточку” – вежливое приветствие среди ведьм и колдунов. Его принято было кидать в сторону дома, даже если ты в городке проездом. Что-то вроде “привет, коллега”. В столице, наверное, это не принято – очень уж много народу там живет, а здесь у нас такие магические штучки в ходу.

Мой посыл улетел в глубину зарослей, и поначалу ничего не происходило. Староста уже открыл рот, дабы заявить мне, что я не подхожу, и я в отчаянии сжала кулаки – эта работа была мне нужна! Калитка тихо скрипнула и... открылась!

– Вот это да! – хрипло выдохнул мужик, а потом засиял: – Нашлась ведьма! Нашлась!

– Вот и славно! – я усталым жестом позвала свои сумки. – Надеюсь, вы всем сообщите, что появилась новая ведьма, и на довольствие меня поставите!

Услышав о довольствии, староста сразу посмурнел, начал переминыться с ноги на ногу, и тогда я, вспомнив нашу лавку, жестким тоном напомнила:

– Принять хозяйство ведьмы может равная ей по силе... Или сильнейшая! Я устала и сегодня буду отдыхать, а завтра жду свое довольствие и девчонку в услужение. Можно сироту или ту, что хочет учиться у ведьмы.

Староста рот открыл, чтобы возразить – я же молодая, какая мне ученица? Но я сурово свела брови и прошла в калитку.

Стоило переступить границу владений, как мне стало понятно, почему дом ведьмы построен именно здесь – по всему участку расходились волны энергии. А источник... Я покрутилась на месте и радостно хлопнула в ладоши – колодец! Моя предшественница половину болезней могла лечить заговоренной водой! Ай, как славно!

Между тем тропинка привела меня к дому. Выглядел он мрачно – низкая покосившаяся изба из огромных стволов в полтора обхвата. Деревянная крыша, заросшая толстым слоем мха. Несколько больших деревьев рядом – одно практически легло на крышу. Маленькие окна закрыты простыми ставнями, отчего дом казался угрюмым.

Староста, который наблюдал за мной от калитки, наверное, ждал от меня воплей ужаса и протеста, но я видела другое. Дом был очень теплый. Огромные бревна – все целые, не точенные жучком, не растрескавшиеся от жары или мороза. Уложены они тоже правильно – северной стороной дерева наружу. Именно эта часть ствола более плотная и лучше сопротивляется морозу. Да, сейчас самое начало лета, но я планировала жить в этом доме как минимум несколько лет и потому заранее изучала его со всех сторон.

У теплой южной стены разместились высокие грядки с растениями. Я присмотрелась – ого, да местная ведьма большая мастерица! Такие травки в наших краях не растут!

Наклонившись поближе, я коснулась рукой столбика-подпорки и вдруг услышала старческий смешок, повисший в вечернем воздухе:

– Нравится?

Я вскинулась, бросила на столбик диагност и поняла – это послание от прежней хозяйки. Ох, и сильна была старушка! Судя по траве на тропинке, ее нет с осени, а послание меня дождалось!

– Нравится! – ответила я вслух и вернулась к осмотру дома. Решила обойти его по кругу, шепча наговор на отвод всякого зла, да и ставни открыть.

Крыльцо выходило на запад и было прикрыто просторными сенями. Тут на ветерке наверняка отлично сушатся травы! Еще в сенях располагалась кладовка, запертая на гвоздь, широкая лавка – видно, для тех, кто ждал приема, и большой рундук для припасов. Туда я пока не стала заглядывать – все нужно будет сушить, чистить, подновлять заклинания. Пока сил на это не было.

С северной стороны дома располагалась веранда. Широкая, поднятая на крепких каменных столбах. Под верандой, в глухой тени и прохладе, тоже располагались грядки. Особые. Для тех растений, которые предпочитают тень, влагу и сложную почву. Одна грядка была доверху наполнена мхом. Вторая – торфом. Была и навозная грядка, густо засыпанная сосновой корой. Тут уж я только руками развела, дивясь мастерству предшественницы.

С восточной стороны дома, не видной от калитки, было вставлено большое окно. Просто огромное – шестнадцать настоящих кусочков стекла! Прозрачного! В плотном свинцовом переплете. Я даже не поверила себе и коснулась рамы кончиками пальцев – и снова услышала смех и повисшие в воздухе слова:

– Мне тоже нравилось! Береги!

Я не очень поняла, пока не зашла в дом. Напротив этого роскошного окна находился стол – да не простой! Из каменного дуба! Черная гладкая древесина, плотная настолько, что вода скатывалась! Да за стоимость этого стола можно было родительскую лавку купить! Длинная широкая столешница покоилась на таких же черных массивных ножках, соединенных крестовиной. Ай да ведьма! Ай да стол! Солнечный свет падал прямо на поверхность стола – хочешь травы золотниками отмерять, хочешь раненого шей!

Я подняла голову и даже в ладоши хлопнула от восторга – над столом висела на цепи керосиновая лампа! Хочешь – ниже спусти, хочешь выше подними! И отражатель есть – большая жестяная тарелка, начищенная до блеска! Мне даже танцевать захотелось. В школе магии была учебная лаборатория с подобным столом и такой лампой. Колдуны ее не любили – они считали, что довольно магических огоньков и специального заклинания на любой стол. А вот ведьмы знали – когда тянешь больного из последних сил, последнее дело на светлячки отвлекаться! Да и магию на обработку стола тратить – лишнее. Не так у нас много сил, чтобы ими разбрасываться!

Стол сразу привлек мое внимание, и, только налюбовавшись, я стала изучать дом изнутри. А тут было на что посмотреть – теплый кут прямо у двери, а в нем широкая лавка с тюфяком, набитым сеном. Можно больного положить, а если он кровью истекает или заражен – такой тюфяк и сжечь не жалко. Вытряхнул сено в костер, а мешок из толстой парусины вскипятил в горшке с солью и травами. И снова в дело!

Широкая печь с лежанкой – и дому тепло, и хозяйке есть где отдохнуть. А над плитой еще одна радость – место для сушки трав и корней, специально выложенное из клейменого кирпича!

Вот на печи я и остановилась. Солнце давно клонилось к закату. Еще час-полтора – и стемнеет, а я не ела ничего с утра, да и ко сну нужно подготовиться. Дом стоило протопить, проверить кровать, поискать ведро и принести воды из колодца... В общем, начала я все же с печи. Открыла топку, заглянула – золы немного, дрова... где взять дрова? Догадалась заглянуть в подпечье и нашла целую охапку дров, да не простых – правильных! Яблоня, береза, дуб, пучок полыни, береста... Ведьма и тут все приготовила для новенькой! Я даже защитный знак сотворила – ну не могло мне так повезти!

Однако бояться поздно – сложила дрова в печь, открыла вьюшку, порадовалась, что из дымохода не вывалилось гнездо или дохлая птица, и осторожно подошла к бересту, внимательно следя за тем, куда идет дым. Сизая струйка нехотя качнулась, попыталась вырваться в дом,

но я решительно дунула, направляя поток воздуха в глубину топки – к дымоходу, и береста затрещала, разгораясь, а дым послушно поплыл, куда следовало.

Вздохнув и утерев лоб, я нашла взглядом ведро и отправилась на улицу – за водой!

Глава 4

Когда за окнами опустилась ночь, я сидела за кухонным столом и пила мелкими глотками травяной чай. В печи уютно потрескивал огонь, на лежанке грелись тонкая перинка, подушка и лоскутное одеяло, в маленьких мисках на столе красовались мед, орехи, сваренные в меду, матросские “вечные” сухари и сушеные яблоки, которые вкусно было грызть под ароматный напиток.

Сидела я и размышляла о том, чем мне придется заплатить за такую щедрость небес? Дом, земля, источник – и это не считая припасов, инструментов, зелий... Все тут было устроено так, что вот приходи – и живи! И в то же время все было убрано, прибрано и запечатано, словно ведьма знала, что дому придется ждать “смену”.

Вот жаль, я со старостой не поговорила – где ведьма умерла? Не похоже, чтобы в доме. Нет здесь смертного духа. Да и порядок полный. Уж, верно, деревенские не постеснялись бы прихватить из дома усопшей что-нибудь “на память”.

Вздыхнув, я подбросила в печь дров. Да, за окнами лето, но дом простоял нетопленным всю зиму, промерз, кряхтел и трещал, требуя просушить и обогреть. Дров в сарае за домом тоже было в достатке – на первое время точно хватит. Вода в колодце, припасы кое-какие есть... И все же что от меня потребует судьба за этот дом?

Проснувшись я от неприятного потрескивания. Встала, зевая, увидела, что солнце уже высоко, плеснула в лицо воды из ведра и прислушалась. Ах вот это что! Сигналка! Кто-то стоит у калитки, касаясь осинового спила с выжженной руной.

Спала я в ночной рубаше – длинной, до пят. Коса растрепалась, лицо помялось... В общем, появляться в таком виде перед потенциальными клиентами не хотелось, поэтому я взяла наговоренное зеркальце, вздохнула, плеснула на него водой и попросила:

– Покажи, кто у калитки стоит.

Зеркало у меня было дешевое, слабое, но до калитки его хватило. Возле изгороди топтался парень лет двадцати, а рядом с ним девчонка лет десяти. Уже работницу мне нашли? Надо себя в порядок приводить! Да только ждать они не будут, вон парень уже в сторону дороги глядит.

Вздохнула – ну неразумно так силу тратить! И все же подняла над головой руки и плавно опустила, накладывая иллюзию. Была у меня в запасе отработанная личина, которая называлась “добрая ведьма”. Этакая бабуля в черной юбке с передником, в цветастом платке на голове, да в темно-синей блузке в желтую мушку. Поверх еще шаль попестрее, и вперед!

– Кто ко мне пожаловал? – плавно “пропела” я, вспоминая, как матушка встречала важных покупателей.

– Госпожа ведьма, – парень встрепенулся и напрягся, – вот, староста велел к вам девчонку отвести и передать, что она сирота, в людях живет. Можете к себе забрать, а можете брать, как все, на день, чтобы по дому помогала.

– Поклончик старосте передай, добрый молодец, – так же ласково пропела я, – а девоньку оставляй, присмотрюсь. Будет добро работать, насовсем возьму, а нет, так другую спрошу.

Девчонка все не поднимала глаз, разглядывая пыль под босыми ногами. Парень мялся, но не уходил.

– Еще чего староста передать велел, добрый молодец? – осведомилась я, уже подозревая ответ.

– Вот, – парень выставил перед собой большую корзину, накрытую полотенцем, – передать велено и... В общем, если какая мужская помощь по хозяйству нужна, то я наказан на три дня ведьме помогать!

Я чуть руками не всплеснула от восторга! Ах, какой староста хитрец! Он, оказывается, провинившихся к ведьме засылает! Ведьму бояться, старосту уважают, ну и, думается, немощной бабушке такая помощь совсем не лишней была. Да и мне тоже...

– Как тебя зовут-то, наказанный? – фыркнула я.

– Петром кличут! А это Марыська! – ткнул он пальцем в девчонку.

– Заходите, даю позволение! – щелкнула я пальцами. – Но коли худое задумаете – сразу вас за калитку вынесет!

Зашли помощники, робея и оглядываясь. Я же сразу скомандовала:

– Так, Петр, ставь корзину на крыльцо, потом посмотри, что там, и ступай к колодцу. Воды натаškai в баню, в бочки и в дом принеси – мы с Марыской будем сейчас все мыть да сушить!

Парень ухнул корзину на доски и ушел. Я же повернулась к девчонке:

– Сейчас можешь так зайти, а в следующий раз с грязными ногами в дом не пущу!

Она подняла голову, кое-как повязанную платком, и уставилась на меня пронзительными голубыми глазами:

– У меня нет обуви, госпожа ведьма! Лапти по осени только куплю, а там уж валенки...

– Значит, надо тебе сшить башмаки, – нахмурилась я. – Ладно, сегодня в доме прибраться надо, можно пока и так, а потом посмотрим!

Задумка моя была масштабной невероятно – я собралась навести в доме порядок и заодно приоткрыть некоторые его тайны. Для начала я, крикнув, занесла в дом корзинку. Внутри обнаружился каравай еще теплого хлеба, пучок огородной зелени, редис, лук, щавель, крынка молока, дюжина яиц и маленький кусочек желтоватого зимнего сала. Что ж, обед точно есть. Я убрала хлеб в зачарованный хлебный мешок, остальные продукты нужно было вынести на ледник, но я в погреб еще не заглядывала. Оценила подношение, прикинула, сколько нас ждет работы, и позвала свою помощницу из сеней.

– Марыська, есть хочешь?

Она испуганно моргнула и кивнула. Я отломила ей горбушку и плеснула в кружку молока:

– Ешь, сиди пока тут!

Я, только ломая хлеб, вспомнила, что хожу по дому в одной ночной сорочке! Заскочила в комнату, переоделась, собрала волосы в косу и вышла к девчонке под той же иллюзией:

– Иди скажи Петру, чтобы в дом воды принес, будем полы мыть!

Девчонка пошустрее выбежала на крыльцо, а я прошла в самую дальнюю комнату дома. Она, наверное, и была личной спальней ведьмы – маленькая, с одним окном, выходящим на запад. Утреннее солнце не мешало спать до полудня, а вечером тут хватало света, чтобы читать книгу или заниматься мелким рукоделием.

Первым делом нужно было вынести отсюда постель.

Услышав шум, я побежала к двери. Там уже стоял парень с двумя полными ведрами.

– Так, воду сюда, – я указала на добротный чан в углу, – а сам за мной! Марыська тоже!

Я привела их в маленькую комнатку и принялась командовать:

– Петр, все с постели сгреби, вынеси на улицу и на жердях разложи, на самом солнышке! Пусть сохнет! Марыська, белье собери да в баню снеси, постирать надо будет!

Парень одним движением сгреб все – и перину, и тюфяк, и одеяла, и подушки. Я аж залюбовалась – ну силен! Кровать была обычная, деревянная, но сделанная явно мастером. Резные столбики, пропитанные морилкой, и покрытые лаком доски... Дорогая вещь, под стать столу из каменного дуба!

Я велела Марыське затопить печь, поставить на огонь пару котлов воды – чтобы теплая была для мытья, и пока девчонка суежилась, вернулся Петр. Ему было велено принести еще дров для печи и помогать скатывать и таскать домотканые ковры, которые плотно занавешивали стены спаленки. Под коврами нашлись оштукатуренные и побеленные стены. Я пригля-

делась и вздохнула – вот хорошо бы сейчас побелить да свежие знаки нанести. Только где известку взять? Заглянула под кровать, прикидывая, как будем вытаскивать половики, и хмыкнула – там стоял горшок с известковыми камушками! А поверх – записка: “соли добавь, чтобы блестела! Соль в берестяной коробке на кухне”.

Я снова восхитилась неведомой мне ведьмой и решила получше расспросить Марыську о предшественнице. Только попозже. Сейчас надо известь погасить и мочало найти – для кисти!

Глава 5

С двумя помощниками мы управились быстро – Петр вытащил на улицу все, от ковров до занавесок. Даже небольшой круглый стол, пару стульев и всякий мелкий скарб вынес. А вот сундук не смог. Но я присмотрелась к окованному железом монстру и поняла, что его собирали прямо в горнице – он и в дверь не пройдет, поэтому махнула рукой – сейчас важнее побелить и защитные знаки обновить, а разбираться с наследством ведьмы я потом буду!

За мочалом пришлось посылать к матери Петра. Парень почесал макушку и сказал, что маменька недавно белила дом к празднику, а кистей навязала с запасом. Только матушка у него скуповата...

Я вздохнула, пошарила в своем багаже и нашла баночку с кремом:

– Вот, передай матушке своей за труды, раны мелкие заживает. Порезы, трещины...

Парень схватил выкуп и убежал, а мы с Марыськой присели за стол – выпить чаю с медом и сухарями. Девчонка крутилась как белка в колесе, успевая в десять раз больше меня. Вот за второй кружкой травяного чая я и задала ей волнующие меня вопросы. Отвечала сиротка обстоятельно. Сиротеет давно – лет с шести. Сначала ее приютила одинокая старуха, которой за это староста снизил налог, но потом старуха умерла, а дом ее достался внуку, и Марыську велено было кормить всем селом поденно.

– Домов тут много, получается, в каждом не чаще раза в два-три месяца бываю. Староста велел вечером мне в новый дом идти. Зимой страшно бывает – метель или там волки, а тетки все равно выталкивают, чтобы никто не сказал, что работницу задерживают. Своего у меня почти нет ничего, мешок с зимней одеждой у старосты лежит. Он мужик справный, говорит, подрасту, в работницы возьмет...

– А сейчас чего не берет? – удивилась я.

– Так мелкая, проку от меня мало, а ем много, – вздохнула она.

Я поморщилась. Без помощи этой мелкой я бы с уборкой неделю провозилась. Да и ест она не больше, чем любой растущий ребенок. Я уж на младших насмотрелась – у каждого был период, когда они сметали с тарелок все с двойной добавкой.

– Ты ешь, ешь, – я подтолкнула к ней миску с орехами в меду, – и расскажи мне про прежнюю ведьму.

– Матушка Мелузина хорошая была, – покивала девчонка. – Когда я у нее работала, всегда на мягком спала.

– А как она умерла? – задала я важный для меня вопрос.

– Да вышла за калитку в торговый день, в город собиралась, ее староста туда каждую неделю возил, села к нему на телегу и говорит:

– Вот ты, Фрол, пожадничал добрую телегу запрячь, будешь теперь эту жечь! – легла и померла!

Я облегченно выдохнула. Хозяйка дома скончалась не здесь, значит, можно не проводить полную чистку дома и земли.

– Так тебя ко мне по очереди прислали? – уточнила я, приглядываясь к девчонке. Она неглупая, росла в семье, работает ловко и аккуратно, ест опрятно, значит, можно приучить к личной чистоте. Впрочем, от нее и так не пахнет застарелым потом, а одежда пусть пыльная, но без грязных пятен и аккуратно заштопанная.

– Нет, – мотнула Марыська головой, – староста пришел, забрал, сказал, что новая ведьма появилась.

Я задумалась – выходит, эту сироту мне в помощницы прислали на испытание? Ну, посмотрим, посмотрим.

Тут пришел Петр, принес кисти, и они с Марыськой начали белить спальню, а я взялась разводить киноварь в маленьком горшочке. Едва побелка схватится – нанесу защитные знаки, укрывая место моего сна от всякой напасти.

Маленькую комнатку выбелили быстро. После этого Марыська взялась за тряпку и ведро с теплой водой – смывать потеки, Петр ушел на улицу – выбивать ковры и перины, а я взялась за кисть.

Вдумчиво, неторопливо нарисовала защиту на трех стенах и на освеженной побелкой печке. Подумала и усилила – защита от пожара, от дурного глаза, от навета... От насекомых и грызунов только подновила краской – знаки были прямо в штукатурке выдавлены. Полюбовалась и обвела алой линией оконную раму. На всякий случай.

Вот краски для рам у меня не было. Впрочем, краска была целая, так что я позвала Петра, чтобы вынул зимние рамы и аккуратно вынес их в сени, а Марыське велела вымыть толстые зеленоватые стекла с пузырьками и вытряхнуть мусор, скопившийся между рам.

Когда все было сделано, велела заносить прогретые на солнце и высушенные вещи. Нашла в сундуке чистое, пахнущее лавандой белье, застелила кровать. Там же, в сундуке, нашла и новое покрывало – из толстой домотканой шерсти, но отделанное по краю фабричным ситцем.

Прежнее выглядело очень пыльным, так что его все же отнесли в баню – стирать. Половики тоже решено было вымыть на другой день на речке, а пока и так было хорошо! Я с наслаждением прошла по чистому полу и похвалила Марысю:

– Какая ты молодец! Отскребла доски до шелковистости! Пойдем-ка еду приготовим, пора уже поесть!

Хлопотали о еде мы немного – я нарубила мелко сало, вытопила его на сковороде, потом сыпанула зелени и залила все это яйцами – сразу дюжиной. Достала хлеб, мед и усадила своих работников повечерять. Да, скудно, но Петр не откажется – весь день таскал воду, дрова и пыльные тряпки, да еще и баньку подтопил, чтобы можно было смыть пот и замочить белье. А Марыське любой корм впрок.

За стол мои работники сели чинно – и руки помыли, и умылись, и ждали по деревенскому обычаю, когда я съем первую ложку. Глазунью на сале, да с лучком съели быстро. Душистый чай с медом тоже хорошо пошел, вот тут я и спросила:

– Петр, а у тебя лошадь с телегой есть?

– Есть, – отозвался парень, – старенькая кобылка, но в лес за дровами съездить можно.

– Приведи ее завтра пораньше, – попросила, – надо половики на речку свезти и обратно, да и остальное белье прополоскать.

– Ладно, – парень был сыт, умиротворен, однако почесал в затылке, – только матушка ругаться будет...

– Спроси ее, чего от ведьмы надобно, помогу. Коли откажет – у старосты телегу поплотше возьми, да скажи, что для меня. Отвезешь Марыську к реке и вернешься, будем следующую комнату чистить и белить! А теперь пойдем, провожу тебя до калитки!

Петр недоуменно покосился на девчонку:

– А Марыська как же?

– А что Марыська? Сейчас в бане вымоется да спать ляжет. Солнце вон село уже!

– Так разве ей в другой дом не пора? – изумился парень.

– Она мне еще нужна, – отрезала я, подражая манерой матери. Она, когда надо было, умела прикрикнуть так, что лошади приседали.

Проводила парня до калитки, постояла, нашептывая заговор – знаки на столбиках, незаметно прикопанных в живой изгороди, надо будет обновить, но пока и так сойдет.

Когда я вернулась в дом, Марыська уже перемыла посуду, разложила ее сушить на полотенце, выплеснула воду и тащила к двери ведро помоев.

“Домашнюю” воду выливали в канавку, выкопанную под изгородью, а за баней была своя сливная яма, накрытая крышкой.

Пока девчонка бегала с ведром, я залезла в сундук, нашла пару рубаш – одну маленькую, вторую побольше, пару отрезков льна и, к собственной радости – две пары простых поршней из потертой кожи. Не нарядно и некрасиво, зато до бани добежать и обратно точно хватит!

Прихватив все это добро, я вышла к Марыське и повела ее в баню.

Надо сказать, что баня у ведьмы была просторная – у некоторых дом такого размера. Но заглянув внутрь, я поняла почему. Похоже, ведьма в Кузякино еще и повитухой была. В углу предбанника нашлось родильное кресло, в самой мыльне были особо широкие и прочные полки и целая стопка новеньких шаек и ковшей.

Уже войдя в баню, я вспомнила, что не прихватила мыла! В доме у рукомойника лежал приличный кусок простого зольного мыла, которым и пол хорошо мылся, и посуда, и руки можно было отмыть от любой грязи. А у меня в вещичках лежал душистый кусочек мыльного мыла, подаренный мамой. Я уж было развернулась, да взгляд упал на подоконник. А там... Вот ведь затейница была Мелузина! Аккуратные кусочки мыла, завернутые в лоскутки, да еще подписаны аккуратно: “лаванда”, “полынь”, “зверобой”!

Я и то вздохнуть боялась над таким богатством, а Марыська вообще замерла.

Взяв себя в руки, выбрала мыло с ароматом полыни – пыли-грязи сегодня много подняли, надо смыть!

Пока я возилась, промывая косу, Марыська радостно плескалась, как утка. Мыла я ей не жалела, да еще шепоток кинула – от насекомых. Мало ли... Девчонка, судя по всему, в домах только зимой ночевала, а на скотном дворе можно и блох наловить, и не только блох.

После мытья я велела ей кинуть вещички в лохань и залить щелоком, приготовленным для стирки. Остаток мы вылили в котел для горячей воды и сбросили туда все постельное – прокипятить. Девчонка с готовностью вызвалась ночевать в предбаннике, чтобы за печью приглядеть, но я выдала ей рубашку и поршни, велела закутать голову полотном и бежать в дом. Печь сама за собой приглядит. Шепоток лег на заслонку легко и просто. Уходя, я подкинула в печь дров и поспешила в дом. Несмотря на двух помощников, я устала и больше всего хотела спать. Когда же зашла из сеней в дом, увидела Марыську, сонно хлопающую глазами, на лавке.

– Ты чего не спишь? – удивилась я.

– Так как же, госпожа ведьма, – она прикрыла зевок рукой, – вы же не легли еще!

Я фыркнула и указала ей на лежанку с матрасиком:

– Ложись давай, завтра стирка!

Тут уж девчонка спорить не стала – юркнула под одеяло и засопела. А я прошла в спальню. Забралась на кровать, упала на пышные подушки и не удержалась, прошептала: “на новом месте приснись, жених, невесте”!

Глава 6

Ночью мне снилось странное – как будто я летала над деревней, разглядывала с высоты сады, огороды, распаханные в отдалении поля. Даже ближайший лес зацепила! И все это с полным пониманием – благополучие деревеньки держится на ведьмовской силе. Тонкие, почти невидимые зеленые нити тянулись от дома ведьмы, и я даже во сне вздыхала – наполнить их силой будет непросто.

А жениха я так и не увидела.

Когда летела обратно, мелькнуло что-то такое невнятное перед лицом – то ли тулуп, то ли овчина, и вот уже я открыла глаза, разглядывая потолок.

Обширное хозяйство оставила мне кузякинская ведьма. Справиться бы еще!

Услышав знакомое гудение, я лениво накинула морок и пошла открывать. За воротами переминался Петр, держа за повод каурюю кобылку.

– Доброго дня, госпожа ведьма! – отвратительно бодрым голосом сказал он. – Вот – я кобылку привел. Матушка вам припасы передала и сказала, что сама зайдет, расскажет, чего ей надо.

Я сонно кивнула:

– Проходи. Половики так на жердях и висят. Можешь собрать и на телегу вынести. А белье сначала в корзины переложить нужно.

Петр, не чинясь, донес корзинку до крыльца и отправился собирать половики. Я, зевая, вошла в дом. Марыська уже сидела на своем тюфячке и плела косицу.

– Госпожа ведьма... сейчас ведь на речку идти, а у меня юбка мокрая в бане, – почти прошептала она, разглядывая выделенную ей рубашку.

Я вздохнула и полезла в свой мешок. Уж не знаю, кто собирал его, но мне положили мое ученическое платье. Их выдавали в школе, и, конечно, никто из сестер не имел права их носить. Обычно я снашивала их и потом резала на нарукавники или лоскуты для практических занятий, но самое первое, которое мне выдали в тринадцать лет, сохранилось. Вот его я и достала. Конечно, Марыське оно было велико, да и жарко в таком платье летом, но к платью полагался передник из серого льна – плотный, пошитый как платье с разрезами на боках. Вот его я девочке и подала:

– Надень, до бани дойти хватит, а там высушим твои тряпки.

Она трясущимися руками натянула передник и завязала пояс.

– Вот и славно. Держи вот косынку – я нашла в мешке кусок хлопка, которым повязывала голову на лабораторных, – умывайся, прибирай постель, будем чай пить. Матушка Петра нам припасов передала.

– Ой, матушка Лелена хорошо готовит! – порадовалась девчонка.

От радости Марыська летала, как на крыльях. Сняла с плиты котелок с теплой водой, налила в рукомойник, накрыла свой тюфячок аккуратно свернутым одеялом и тут же схватилась за чайник. Я же велела ей не суетиться, подогрела воду пассом и пошла в спальню – одеваться.

Под иллюзией, конечно, все равно, как я одета, но для себя я любила быть аккуратной и собранной. Впрочем, летняя жара и грядущие хлопоты заставили выбрать одежду попроще. Юбка и блузка из тех, что я надевала дома, и еще одна косынка на голову – чтобы солнцем не напекло.

Мы сели с Марыськой за стол, разлили чай и отведали пирога с ревенем. Выпечка была простой и вкусной, чай бодрил, и после завтрака я заторопила помощницу идти в баню. Однако, когда мы вышли, стало понятно, что идти куда нам не надо – на краю канавки для “домаш-

ней” воды стояли корзины, щедро орошая траву остатками влаги. Петр что-то вырезал из дерева, сидя на крыльце.

– Госпожа ведьма, – вскочил он, увидев меня, – я все в корзины сложил, можно ехать.

– Вот и поехали! – скомандовала я, хотя абсолютно не знала, где и как тут стирают. У нас в Стародубске был прачечный причал на речке Каменке. Туда сдавали стирку холостяки, дворяне и купцы побогаче. В нашей же семье стирали в бане, радуясь тому, что подворье широкое и есть баня. Соседи, которым не так повезло, носили стирку в общественные бани или все же сдавали прачкам. В деревне, конечно, каждый стирал сам или нанимал поденщицу на день стирки.

Пока ехали к реке, Марыська рассказывала, что хозяйки часто подгадывали стирку к ее приходу в дом, так что стирать она умеет хорошо. Я в сомнениях смотрела на тощую фигурку, но в себе была уверена. Преподавательница бытовой магии у нас была хорошая. Сильных магисс она учила стряхивать соринку взглядом или выводить пятна с помощью затратных заклинаний. А слабачкам и ведьмам объясняла правило – бытовая магия может облегчить труд, но не обязательно его заменит. Вот сейчас приедем на реку, выберу мелкое место, поставим туда корзины, и запущу в воду маленький смерчик. Игрушечный почти. На какой сил хватит. Разрушительной силы у него никакой, зато белье выстирает прямо в корзине. И прополощет!

Оказалось, на той же самой Каменке, которая текла и в Кузякино, есть “бабий” причал, на который местные жительницы выходили полоскать белье. На нас смотрели во все глаза! Никто не здоровался, но я на это не обратила внимания. Подошла к берегу, присмотрела подходящее местечко и скомандовала:

– Петр! Неси корзины сюда!

Парень меня не понял, но я ему приказала поставить тяжелые корзины с мокрым полотном в воду и вызвала смерчик.

– Марыська! Можешь свою одежду прополоскать, – напомнила я и тут же повернулась к парню: – Неси сразу половики, их тоже покрутим!

В общем, под изумленный шепоток деревенских кумушек корзины трясло и дергало целый час, пока Марыська полоскала свои тряпки и мою сорочку. Петр все это время сидел в сторонке и снова что-то вырезал. Утомившись, я остановила смерч и вынула одну простыню из корзины, чтобы оценить результат. Прокипяченный в щелоче лен, хорошенько промытый в речной воде, мягко сиял на солнце и ластился к рукам.

– Петр, – позвала я помощника, – доставай корзины, пусть на травке обтекут, и домой!

Парень сначала выловил половики и скатал их в тугие рулоны, потом достал корзины и закинул на заднюю часть телеги:

– Дорогой обтекут, госпожа ведьма! Солнце скоро припекать начнет!

Я и спорить не стала – села на телегу, Марыська заскочила рядом, и мы проехали с полной телегой чистого белья, даже не замочив подола.

Петр, к моему удивлению, чиниться не стал и сам раскатал на жердях половики и развесил тяжелые простыни и покрывало. Марыська только свои тряпочки раскидала да мою сорочку скромно в уголок пристроила. Пока парень возился с половиками, я у девчонки и спросила:

– А что это Петр женской работы не чурается? Неужто у вас в Кузякино мужики все женам помогают?

– Нет, – тряхнула головой Марыська, – Петр у матери один, вот и привык ей во всем помогать. Вернее, не один...

Девчонка сбилась, и я ее поторопила. Интересно было узнать, почему парень легко, без крика, делает “женскую” работу.

– У Петра отец и старший брат были, ушли на заработки, еще когда тут только начали фермы сносить. Хотели на большой дом с садом заработать. И не вернулись.

Я поежилась. Фермы сносили больше десяти лет назад, выходит, родных Петра уже нет в живых?

– Ну вот, матушка Лелена одна осталась, поплакала, да начала огурцы садить. А Петр ей помогал с малых лет. Вот и научился всему. Сейчас у нее самые вкусные огурцы с весны до осени, сам градоначальник покупает к столу!

Я покивала рассеянно и потянула девчонку в дом, нужно было вынести все из следующей комнаты. Это была та самая, просторная комната со столом из каменного дуба. Тут кроме стола и пары стульев стоял маленький столик – для инструментов. Он походил на тумбу со множеством ящичков, только в этих ящичках стояли медные коробки со скальпелями, крючками, скругленными ножницами и прочими пугающими предметами. Мне на них тоже было страшно смотреть. Я, конечно, неплохо училась, но сразу из учениц в акушерки или хирурги не собиралась.

Еще тут стоял огромный сундук. Внутри ведьма держала запасы корпии, бинтов, мягкие изношенные простыни, годные на перевязку, порошки, пластыри, даже кое-какие мази. Сундук стоял у холодной – северной – стены, и, судя по запаху, в нем ничего не успело испортиться. Разбирать мне все это долго, поэтому я велела Марыске только пыль с этого монстра смахнуть, вынести стулья и звать Петра белить.

Тут мебели и тряпок было меньше, поэтому управились мы быстрее. Пока я рисовала киноварью знаки здоровья, крепости телесной и душевной и прочие, те, что обязательно рисуют в лечебницах, Петр снова натаскал воды и дров, а Марыська шустро помыла после побелки пол.

Я выглянула за окно – самая жара, можно и отдохнуть, а там, может, силы появятся и кухней заняться?

В корзине от матушки Петра кроме пирога нашлась еще зелень, пяток яиц, две лепешки и домашний сыр. На обед у нас были горячие лепешки с сыром, яйцом и зеленью. Я задумчиво жевала свою долю и думала о том, что скучаю по маминым похлебкам.

После обеда настало время кухни. Ой, вот знала бы, как это хлопотно – отложила бы на другой день. Хотя тянуть с обновлением знаков, конечно, не стоило. Из кухни вынесли все – от стола до последней плюшки. Пока Петр устало возюкал кистью, я спустилась наконец в погреб, и тут меня ждал сюрприз! Во-первых, большая стойка с бутылками настоек, наливок и разных зелий на спирту. Во-вторых, перегонный куб, аккуратно стоящий в плетеном коробе. В-третьих, погреб у ведьмы был чистым, сухим и прохладным – готовым принять новый урожай, а под потолком висели... окорока! Копченые свиные окорока, залитые воском! У меня слюна скопилась во рту от предвкушения горячей похлебки с копченостями. Надо будет, конечно, овощей прикупить, но думаю, тут это проще, чем в городе.

Я все же отправила Петра побелить погреб, пока рисовала киноварью в кухне, а потом обновила знаки и там. Еле успела к закату!

Заносить на кухню все, что вынесли, мы не стали. Ограничились чайником, чашками, сухарями и медом. Больше у меня еды не было, зато были планы на следующий день. Пока чайник уютно пыхтел, я спросила Марыську, у кого можно купить немного овощей.

– Да у кого угодно, – пожала плечами девчонка, – сейчас все закрома чистят. А вам чего надо-то?

Я перечислила: лук, чеснок, капусту, репу, морковь и свеклу, если у кого есть. А еще хорошо бы крупы прикупить да хлеба. Девочка призадумалась и сказала, что все это можно купить утром у околицы.

– Староста с мужиками в город поедут, у ворот притормозят, кому чего надо, там и берут. Дешевле, и сразу видно, у кого что есть.

– А крупу и хлеб? – уточнила я.

– Крупу в лавочке взять можно, возле дома старосты, – ответила Марыся, – староста сам в городе закупается да привозит разный городской товар, а дочка его торгует.

– Вот и хорошо, завтра на рассвете к околице сходим. И ты, Петр, приходи. Тебе ведь еще один день отработать надо? Донесешь покупки, и будем завтра мой огород смотреть.

На этом мы разговоры и завершили. Попили чаю и разошлись – Петр к матери, Марыська на лежанку, я в свою спальню. Лежать и думать – ну как же ведьма Мелузина тут так хорошо устроилась? Рядом ведь город с целой школой магии! Или здесь, в Кузякино, какая-то аномалия? Никто не видит и не знает, что вся деревня опутана силой? Или наоборот? Все все знают, но молчат, потому что выгодно? Кузякино ведь не только в Стародубск овощи и фрукты поставляет. Тут неподалеку усадьбы аристократов есть, всякие охотничьи домики, старые замки... Там тоже любят вкусно поесть... А что если переезд ферм не просто так случился? Ведьма помогла? Задумавшись, я уснула, а проснулась от привычного уже противного звука от калитки.

Глава 7

Вставать на рассвете летом, конечно, красиво, но зябко и спать хочется. Однако пришлось идти, впускать Петра.

Пока я гуляла до калитки и обратно, Марыська успела встать, прибрать свою постель и затопить печь. Даже чайник водой наполнила и сидела плела косу.

Поскольку парень снова принес корзинку, я поставила ее на скамью и пошла к себе – одеваться. Завтракать некогда. Нужно к околице спешить.

Когда мы добрались до ворот, ведущих из деревни на городскую дорогу, стало ясно, что почти опоздали. Несколько телег уже пылило по тракту, остальные собирались в путь, накрывая мешки и корзины плотным пологом от пыли.

Завидев меня, однако, все притормозили. Начали перешептываться и поглядывать на Марыську, одетую в свои привычные обноски, только выстиранные и высушенные. Я быстро пробежалась по ряду телег, табуретов и корзин. Выбрала овощи, хлеб, соленые огурцы, крынку молока, приготовила монетки, но все, у кого я что-то брала, отдавали мне бесплатно, при этом переглядываясь с соседями. Я ничего не поняла, но постаралась брать немного, чтобы не выглядеть жадной.

Когда шли обратно, я спросила у Марыськи, почему с меня не взяли денег. Девчонка вытаращила глаза:

– Но госпожа ведьма! Все же знают – если ведьма что-то взяла, удача будет! Товар хороший, и цену за него дадут хорошую!

Я покивала, вновь восхищаясь предшественницей. Надо же убедить поселян в том, что ведьма лучшая гарантия качества!

Поскольку взяла я немного, предложила моим помощникам сразу зайти в лавку за крупой, солью и сахаром. В избушке ведьмы соль была припасена, но ее изрядно ушло в побелку, а еще нужно было обновить защитные амулеты, так что соли нужно было прикупить непременно!

Лавочка действительно была пристроена к подворью старосты. Крепкая румяная девица лет пятнадцати стояла за прилавком и любовалась собой в зеркальце. Стоило нам появиться, она неспешно обернулась и ойкнула:

– Госпожа ведьма! Чего желаете?

Я осмотрела лавку. А неплохо. Здесь были самые нужные в деревне товары – топоры, молотки, гвозди, пилы, лопаты. Подозреваю, своей кузни в Кузякино не было, а в город за каждым гвоздем не набегаешься. Отдельно на полочке стояла расписная посуда, котелки, лежали ножи и ножницы. Рядом – свертки фабричной материи, немного домотканого полотна и всякой “бабьей мелочи” – ниток, иголок, пуговиц, тесемок, крючков. Судя по всему, хитрый староста закупался пару раз в год на ярмарках, а потом весь год продавал понемногу сельчанам,

Я взяла крупы, муки, соли, масла простого и немного масла орешного – на притирания и мази. Поколебалась, но взяла круг козьего сыра и две дюжины яиц. С учетом окороков должно хватить на несколько дней.

Здесь с меня деньги взяли, но ровно по счету, без излишков.

Вернувшись к дому, я поняла, что нужно восстанавливать кухню и готовить сытный обед, а потом идти по периметру, проверять защиту. Для этого отвела Петра к одному столбику и велела поискать в сарае подходящих деревяшек, чтобы сделать таких же. Парень ушел за дом и чем-то там гремел, а мы с Марыськой занялись делами. Занесли всю посуду, кое-что выбросили. Разложили все так, как мне привычно и удобно. Разобрали покупки. Пока девчонка подкидывала дров в печь и несла свежую воду, я спустилась в погреб за окороком. Соскребла воск, отрезала приличный шмат мяса, завернула ногу в ряднину и унесла обратно. Отрезанный

кусоч мелко покрошила в горшок, залила водой, добавила лука, моркови, крупы и сунула в печь. Через час будет отличная густая каша с мясом.

В корзинке, которую принес Петр, нашлась крынка с простоквашей. Я поморщилась. Не люблю ее и не ем. Вот братец, тот обожал. А я... сделаю-ка я оладушков! Яйца и мука есть, в погребе варенье видела, да и с медом тоже можно... В общем, взболтала тесто и поставила Марыську к плите. Она прямо изумилась, видать, к самой печи ее деревенские хозяйки не допускали. А мне только в радость, что кто-то другой приготовит. Я на кухне отыскала толстую тетрадь с рецептами и теперь с интересом ее листала. Увы, углубиться в записи не получилось – едва на блюде выросла горка румяных оладушек, как в дверь стукнули:

– Госпожа ведьма! Я столбики нашел!

Пришлось идти. Границы для ведьмы – очень важная вещь!

Столбики вдоль живой изгороди были на месте. Однако некоторые покосились, а пять штук требовали замены. Плюс на каждом нужно было обновить знак – краской и кровью. В принципе, полезная получилась прогулка, хоть и утомительная. Во-первых, я нашла еще один сад трав, замаскированный под полянку. Петру от полноты чувств аж подзатыльник дала, когда он сошел с тропинки и чуть не затоптал марьин корень!

Еще в изгороди нашелся лаз – не то животное, не то ребятишки. Впрочем, прикинув размер, я все же подумала на живность. Велела Петру вбить поперек хода столбик без меток, просто как преграду, и мы двинулись дальше.

Кроме относительно теплого погреба под домом, на территории нашелся ледник – вполне прочный и пустой. Зимой надо будет набить его льдом, а пока хорошенько просушить. Я распахнула тяжелые створки и велела парню и ледник побелить, после того как мы закончим обход.

Еще в конце огорода нашелся сарайчик для животных. Не знаю уж, кого там держала ведьма – может, коня, может, птиц, но строение было крепкое, сухое, с высокой крышей и тяжелой дверью. Это строение я оглядела без интереса – сарай и сарай. Куда больше мне понравился навес для сушки трав: в тени, на ветерке, устроенный так, чтобы случайный дождь не испортил запасы, снабженный широкими удобными полками по всей высоте. Тут же стояли решетчатые ящики – для мхов и кореньев, и высокие узкие корзины для сбора трав.

Вокруг навеса я восторженно побегала, а потом мы двинулись дальше – поправлять столбики, накладывать поверх старых запретов новую ворожбу.

Закончили, когда солнце повернуло к горизонту. Умылись над бочкой и пошли в дом. А там... Марыська расстаралась – к оладьям не только варенье из погреба достала, но и воды колодезной с ним навела. Хлеб нарезала, зелени пучком положила, а увидела нас, и кашу по мискам раскидала.

Я упала на лавку, вытянула ноги и выпила целую кружку холодной сладкой воды, восстанавливая силы. Потом нехотя взялась за ложку – и не заметила, как опустошила всю миску. Оладушки пошли уже сверхсыта – побаловаться.

После обеда Марыська шустро собрала посуду и унесла в лохань – мыть, а я растолкала собравшегося задремать Петра и повела его за дом – подновлять грядки, что-то поливать, что-то окапывать.

Огорода в деревенском понимании у ведьмы не было. Росли разные травы, ягодные кусты, деревья, а вот овощей не было совсем. Петр, не ворча, полил грядки под верандой, почистил малину, окопал смородину и крыжовник, срезая лишнюю траву лопатой, потом отправился белить ледник, а я вернулась к тетради. Устроилась на веранде, утащив с полатей запасную перинку, и погрузилась в чтение.

Ведьма Мелузина была большой мастерицей по части всякой выпечки. Чего тут только не было! Сухарики с травами, очищающими кровь. Печенье для чистки кишечника. Пирог

для раненых, ускоряющий заживление. В общем, читала я все, как песню, особенное внимание уделяя списку трав. Зимой, может, и доберусь до кухни, а без трав и делать будет нечего.

Между тем Марыська закончила с посудой, помыла еще раз пол, вытряхнула скатерть и пришла ко мне на веранду:

– Что еще прикажете, госпожа ведьма?

Я задумалась, потом вспомнила “ведьмин огород” и велела:

– Возьми корзинку, набери щавеля, того, что перерос уже, и под навесом на полочке разложи, пусть сохнет.

– А зачем? – не сдержала любопытства Марыська.

– Порошок из щавеля можно в суп зимой добавлять, чтобы десны не кровоточили, можно в тесто всыпать – для того, чтобы дети крепче были, а можно водой развести и выпить, когда простыл. В любом случае польза будет.

Девчонка закивала, словно я ей открыла страшную тайну, и унеслась в огород. Я же задумалась о том, что Кузякино – деревня большая, а я уже часть сезона травного пропустила. Вернее, не пропустила – травы я собирала, но большая их часть осела в школе магии, а меньшая – в доме у мамы. Вот бы их добыть! А то как бы братец не сжег все, избавляясь от “страшной ведьмы”.

Рецепты я дочитать не успела – явился Петр, доложил, что все сделал и теперь идет домой. И Марыську забирает – ее в доме старосты ждут. Я повздыхала, но девчонку отпустила. Поняла, что будут ее расспрашивать, да и вообще... похоже, дни, данные мне на обустройство, закончились. Завтра начнет народ приходить к новой ведьме со своими заботами.

На прощание только сказала Марыське:

– Передай старосте, что сейчас страда, мне надо травы собирать, пусть пришлет девчонку по хозяйству крутиться.

Сирота поклонилась и ушла вслед за Петром. Только возвращаясь в дом, я заметила в сенях свернутый фартук, косынку, а под ними – тщательно вымытые поршни. Похоже, Марыська отчаянно не хотела от меня уходить и втайне надеялась вернуться.

Глава 8

Утром меня разбудило привычное гудение. Ох, я еле сползла с кровати. Вечером зачиталась рецептами при масляной лампе и уснула ближе к рассвету. Однако делать нечего, бросила к калитке шепоток: “ведьма скоро будет” – и принялась одеваться. Чтобы сразу произвести впечатление, выбрала “ведьмовский балахон”. Вообще-то, в школе эту штуку нам выдавали как защиту при лабораторных работах. С третьего класса зачаровывали сами, преподаватели только проверяли качество шепотков, чтобы ученики не пострадали. Иногда с этими мрачными серыми тряпками случались разные казусы. Моя в результате неудачного заклинания стала черной, как сажа. А подружка подбила начертить на ней руны соком чистотела. Едкий сок частично развел краску, придав ей красноватый оттенок, и получился у меня мрачно-черный балахон в непонятных обывателю алых письменах. Вот его я и натянула поверх обычной юбки и блузки. Косу заплела, подумала – и повязала черную же косынку – она на том практикуме тоже пострадала, но вместо рун я на нее медные чешуйки-отражатели нашила, пару раз они мне голову уберегли.

Вот в таком странном виде я и вышла к калитке. А там... Там стоял староста в новеньком суконном кафтане и утирал с лица пот огромным батистовым платком. У его ног стояла огромная корзина, из которой торчали перья зеленого лука, горлышки крынок и даже куриная нога!

За спиной старосты крутились три девчонки – одна другой лучше. Высокие, сытые, в не новых, но хорошо сшитых платьях с отделкой из фабричной ткани. И все три в обуви, похожей на найденные в сундуке ведьмы поршни.

– Вот, госпожа ведьма, помощниц вам привел, – сказал староста, потев и нервничая.

Я прищурилась. Девки-то в самом соку. Год-три – и замуж вылетят, только двери схлопнут. Зачем таким красавицам из небедных семей к ведьме в услужение подаваться? Или это в Кузякино только плюс? Присмотрелась к “помощницам” – дара точно нет, вот у Марыськи что-то там клубилось такое, в ауре, но до определенного возраста сказать трудно.

– Ну проходите, проходите, работницы, – пропела я ласково, и от моего тона многоопытный староста поежился. – Спасибо вам, дядько Фрол, что нашли мне девиц... – тут я сделала паузу, чтобы все сумели додумать что-нибудь страшное, например, “на съедение”, а потом красиво завершила: – по хозяйству помочь. Посмотрю, каковы хозяйшечки!

Староста тут же рванул прочь, а девицы поскущнели. Между тем я их запустила на свою территорию и выпускать не собиралась. Хотела просто узнать, какая надобность их ко мне привела.

– Как зовут? – я ткнула пальцем в самую рослую блондинку с пшеничной косой толще моей руки.

– Анка, – сказала она.

– Тебя?

– Верта, – шатенка была пониже, но зато ее волосы вились, и коса была еще толще.

– Тебя?

– Либа, – вторая блондинка была помельче, но явно любопытнее.

– За мной! – скомандовала я и повела девок в огород. Дала каждой по гряде и велела убирать сорняки, рыхлить землю и складывать собранную траву в специальную яму. Девицы скривились, но самая бойкая, Либа, все же задала вопрос:

– А что это за трава? И для чего она тут растет?

Тут в моей голове щелкнуло, и все встало на свои места – щавель! Я сказала Марыське, для чего нужно собирать и сушить щавель! Объяснила просто, без магии, вот местные кумушки и смекнули, что, крутясь рядом с ведьмой, их дочери могут узнать немало полезного. Сейчас не посевная, до покоса далеко – самое время девицам ума поднабраться.

Задумалась. Ответить? Рассказать, как нам в школе все излагали? Мне не жалко, но есть и опасные травы, да и простой крапивой без ума можно дел натворить...

– Травы у меня тут все нужные и полезные, – отрезала я, – а прежде, чем применять их, нужно правильно вырастить, правильно собрать и сохранить. А это наука долгая.

Девки зашушукались, а я зашла в дом. Скинула балахон, косынку оставила – удобно. Заглянула в погреб, думая, чем бы позавтракать. Вчерашнюю мясную кашу съели всю, да и не хотелось возиться с чем-то столь масштабным. Подумала, посмотрела на остатки простокваши в крынке и замесила тесто на лепешки – начиню их зеленью с яйцом и сыром или творогом, который принес староста, будет вкусно, и в зачарованной корзинке они легко пролежат весь день. А пока... отпила остывшего чая и занялась делами. Нужно было разобрать сундук в рабочей комнате, чтобы точно знать, что у меня есть, а что нужно купить или запастись.

У прежней хозяйки дома всюду был порядок, но какой-то... не рабочий. Словно она знала, что уйдет, а новая хозяйка все сделает по-своему. Хотя, может, и знала. Ведьмы отличались от магичек не только более крепкими связями с силами природы, у каждой ведьмы был свой маленький особый дар, на который не влияли внешние или внутренние факторы. Он просто был – как рука, нога или цвет глаз. Отнять нельзя, заблокировать невозможно, но дар этот был обычно пустяковым – светлячок зажечь, маленький ветерок поднять, призвать зверушку или стихийно что-то предсказать. Может, у Мелузины личный дар был как раз такой?

В общем, я с благоговением открыла крышку и принялась вынимать из сундука все, что там было. А было немало! Причем все было упаковано и подписано. Я выкладывала, читала, разворачивала, проверяла, и мурашки ужаса ползли по спине – не могло мне так повезти! Просто не могло! Да в этом сундуке половина школьной аптеки лежала! А второй половины даже там не было!

Причем практически все это были ингредиенты длительного хранения. Зелья-то, бывает, и месяца не хранятся – надо использовать или выливать. А вот какая-нибудь каменная смола лежит себе годами, не теряя своих свойств.

Глава 9

Пока я ужасалась свалившемуся на меня богатству, девицы попытались проникнуть в дом, но были выметены прочь моим рыком и легким заклинанием вихря.

– И эта ведовка в дом не пускает! Что у нее там, лавки золотые? – услышала я ворчливое и поняла, что стоит поскорее почитать записи моей предшественницы. Но сначала...

Вышла на крыльцо, пристрожила дурех и отправила их собирать щавель, кислицу, ревень и лопух. Девки оживились, выслушали правила, взяли корзинки и утопали в дальний конец моих угодий. А я быстренько сложила все обратно в сундук, взяла толстую тетрадь в прошитом кожаном переплете и пришла на кухню. Тесто уже подошло, так что налепила лепешек, слегка обжарила и сунула в печь – доходить. Потом плеснула себе морса из погреба и собралась пристесть к столу, чтобы почитать найденную в сундуке тетрадь.

Вдруг где-то в сенях ухнуло, грохнуло, запахло паленым... Я подскочила, выбежала в широкое помещение между кухней и крыльцом и остановилась – из кладовой тянуло гарью, вился сизый горький дым, что-то блестело... А ведь я еще не успела туда толком заглянуть – только отметила мельком, что пол там каменный и дверь довольно прочная.

Теперь я подобралась на цыпочках к этой самой двери и осторожно ее потянула на себя. Внутри было тихо, но совсем не темно – узкие окна под потолком давали достаточно света. На полу тлела камышовая циновка, а на ней лежал сильно израненный, слегка обгоревший мужчина в черном кожаном костюме с бляхой боевого магического корпуса на плече. Увидев мой силуэт в дверях, он хрипло выдохнул:

– Аварийная эвакуация, пункт “Мелузина”, маг-лейтенант Корден! – и потерял сознание.

Ступор у меня прошел в тот же момент. В голове зазвучали строчки протокола обследования. Преподаватель по анатомии одаренных вбивала его в наши головы с удивительным упорством, и сейчас я была ей благодарна.

Аура – в разрывах и кляксах. Диагност, брошенный на тело, показал множественные ранения и приличную кровопотерю. Оставлять тут раненого нельзя, но и тащить его на себе я не в силах. Раздумывала я недолго. На бессознательного мага в таком состоянии нельзя накладывать заклинания – можно причинить вред или сжечь его последние силы. А вот на циновку – легко!

С помощью левитации я дотащила раненого до стола в большой комнате. Плюхнула его с облегчением на ровную поверхность и занялась приготовлениями к лечению, словно я была не в избушке на краю деревни, а в школьной анатомической лаборатории.

Сняла с крючка балахон и косынку – вычистила их заклинанием. Перчатки из рыбьей кожи, передник с поясом для инструментов, большой флакон спирта (так вот для чего нужен перегонный куб!) и для собственного успокоения – блокнот по анатомии одаренных. Пусть будет рядом. Так спокойнее!

Первым делом мага надо было раздеть. Я взялась за безопасные ножницы с закругленными концами и вспомнила, как ржали парни-маги на лекции с фантомами. Нас учили быстро раздевать людей разных сословий. Даму в корсете, рыцаря в доспехе, крестьянина в домотканых портках и в рубахе до колен. Тогда многие хихикали. Фантомы под одеждой напоминали набитых ватой кукол без признаков пола, но после семинара с ними мы срезали одежду в морге с бродяг и бедняков, сдавая зачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.